

СЕМАНТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ЛИЦА/НЕ-ЛИЦА И ГРАММАТИЧЕСКИЙ СРЕДНИЙ РОД В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

А. К. Смольская (Одесса)

В лингвистике существует мнение, что в исследовании языков главным является изучение языковых категорий.

Сравнительная грамматика славянских языков обычно традиционно анализирует только грамматические категории имени существительного и других частей речи. Функциональная грамматика, со своей стороны, изучает семантические категории, которые имеют в языке общее семантическое ядро и равноуровневые способы выражения категориального смысла. Использование результатов функциональной грамматики актуально для сопоставительного исследования славянских языков в современной лингвистике.

Субстантивные или предметные категории занимают важное место в процессах категоризации сложной языковой картины мира. Категории лица-не-лица (иначе: личности-не-личности или персональности-имперсональности), определенности-неопределенности и др., которые относятся к языковым универсалиям, получили значительное развитие в славянских языках, где весьма специфично взаимодействуют с грамматическими категориями рода, числа и падежа. Для типологии славянских языков важный материал представляют различные конфигурации взаимодействия семантических и грамматических категорий по отдельным славянским языкам и в сопоставительном плане.

Категория лица-не-лица, являясь одной из семантических категорий существительного, не только противопоставляет личное и предметное в языке, но и помогает выявить способы выражения универсальных признаков человеческого индивидуума, признаков пола и возраста, имеет самое непосредственное отношение к формуле "человек в языке".

Используясь в большинстве славянских языков в качестве скрытой, не имеющей собственного грамматического ядра, категория персональности-имперсональности находит свое языковое выражение, взаимодействуя с грамматическими категориями существительного, прежде всего с категорией рода.

Взаимодействие категории лица-не-лица и категории субстантивного грамматического рода неоднозначно рассматривается в славистике. Одни лингвисты, подчеркивая релевантность грамматического рода относительно категории персональности, пишут о том, что в существительных с семей "лицо" (человек), как и с семей "одушевленность", категория грамматического рода связана с денотативной сферой, семантически определена. Другие языковеды обращают внимание на то, что в отличие от формальных показателей рода в славянских языках практически нет абсолютных (внутрислов-

ных) показателей пола, ибо в указании на пол лица "даже в случаях типа жена, сестра, тетя основную ведущую роль играет семантика, реальная предметная отнесенность, а не формальный показатель" (А. А. Бондарко).

Разграничение семантической категории лица-не-лица, семантического признака пола и грамматической категории рода, с одной стороны, как и взаимодействие указанных категорий, с другой стороны, привлекало внимание многих лингвистов: А. А. Потебни, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, Л. Ельсслева, А. А. Бондарко, А. А. Тараненко; из южнославянских ученых Томо Маретича, Михаила Стевановича, Любомира Андрейчина, Милки Ивич, Вл. Анича и др.

Во второй половине XX века появился ряд статей по конфронтивной лингвистике, характеризующих специфику систем грамматического рода двух или нескольких славянских языков. Из последних работ сопоставительного характера по славянскому грамматическому роду как инструменту выражения категории лица следует отметить доклад А. А. Тараненко на Братиславском съезде славистов, в котором очень объемно представлен украинский материал.

Несмотря на накапливающиеся новые сведения, в сравнительных грамматиках славянских языков о системе грамматического рода говорится достаточно кратко, подчеркивается обычно только фактор трехкомпонентности системы грамматического рода в славянских языках, не рассматриваются внутрисистемные отношения и функциональная нагрузка компонентов, не выделяются интегральные и дифференциальные факторы в развитии грамматической системы рода, не характеризуется степень формализованности рода отдельных славянских языков.

Работы славистов, наши собственные наблюдения помогают сформулировать основные постулаты о развитии системы грамматического рода в славянских языках и об особенностях этой системы в отдельных языках славянских народов.

Лингвисты, прежде всего в качестве общей интегральной закономерности развития системы славянского грамматического рода, подчеркивают принцип андроцентризма, ведущую роль мужского рода в системе грамматических родов, тенденцию к осуществлению транспозиции рода прежде всего у личных номинаций мужского пола, в которых противопоставлены грамматический и "природный" род (пол лица). Эта универсальная тенденция наблюдалась историками языка, и ее можно характеризовать как диахронную константу славянских языков.

Если принцип андроцентризма интегрален, то одним из индикаторов специфичности грамматической категории рода в славянских языках является позиция среднего рода, степень его сохранности и функциональности, его связей с категориями персональности и одушевленности. Известно, что все славянские языки испытывают редукцию среднего рода, хотя ее уровень по языкам различен. Наиболее четко о редукции среднего рода в русском

языке высказался В. В. Виноградов, который подчеркнул, что в современном русском языке средний род выступает как "форма обезличенной предметности", русский средний род, за редким исключением, утратил связь с категориями лица и одушевленности. Есть славянские языки, напр., украинский, в которых редукция среднего рода незначительна, проявляется только в отдельных словообразовательных моделях (см. Тараненко 1993), активность среднего рода сохраняется и даже расширяется за счет расширения стилистических границ эмоционально маркированных лексем, исходно выступавших как асексуальные номинации невзрослых лиц.

Лингвисты устанавливают, в каких славянских языках категория грамматического рода в большей или меньшей степени формализована. Степень формализованности субстантивного рода обычно рассматривается на пограничных случаях, на материале так называемых инородовых личных номинаций, в которых существует разрыв между выражением грамматического и "природного" рода, т. е. пола лица. Инородовые личные номинации важны с позиций синтагматики: модели согласования с ними могут быть или формальными, или смысловыми.

Синтаксическая возможность выражения грамматического рода, заложенная в славянских языках с праславянского периода (ср. сущ. м. р. с основой на "а") связана с усилением семантической стороны рода, которую для русского языка подчеркивал А. А. Шахматов, говоря, что "на грамматические представления о роде наслаиваются наши представления о естественном поле живых существ, влияя на грамматические и подчиняя их себе".

Ср. высказывания по поводу грамматического рода у болгарского академика Любомира Андрейчина, который писал, что для языкового сознания болгарина грамматический род определяется формой (флекссией) существительного, независимо от того, лицо какого пола это существительное обозначает.

Сербские и хорватские лингвисты также указывают, что в их языках грамматический род существительных не функционирует в полной зависимости от понятий "мужской" и "женский" пол лица, что сему "природного" рода выражают "променливи означитељи", т. е. внесловные маркеры пола (Анич 1984).

В большинстве славянских языков инородовые личные номинации могут выступать в форме всех трех родов.

В аспекте взаимодействия семантической категории лица и грамматической категории рода в статье рассматриваются инородовые личные номинации среднего рода в южнославянских языках в сопоставлении с восточнославянскими, опорным языком сравнения является сербский язык.

В сербском языке грамматический средний род претерпевает известную редукцию, выражающуюся в том, что новые заимствования на -е, -о (купе, метро, ауто и под.) обязательно переходят в мужской род, однако в сербском языке средний род продолжает традицию сохранения связей с семантическими категориями лица и одушевленности.

Корпус личных номинаций среднего рода, представленный в сербском языке, по лексико-семантическим группам и словообразовательным моделям типичен для всех славянских языков, в том числе для украинского, сохраняющих связи рода *neutrum* с категорией личности, персональности. В этом корпусе находятся дериваты с суффиксами незрелости, для которых возможен переход в стилистические группы коннотативно маркированных слов, дериваты с формантами деминутивности, аугментативности, пейоративности (слова на -ло), субстантивы и существительные переносного употребления типа *лице*, *биће*, *створење* и под.

Отдельных замечаний требуют только субстантивы женско, мужско в сербском и хорватском языках (ср. болг. женско, мъжко), а также мало frequentative, отмеченные в основном в фольклорных текстах и народно-разговорной речи, редко в художественном стиле сербского языка субстантивы *драго*, *младо*, *мило*. В отличие от субстантивных прилагательных ср. рода в украинском языке, где они окказиональны и обычно ограничены предикативной функцией, указанные сербские субстантивы относятся к лексемам узуального характера, фиксируются словарями, имеют более широкое функциональное поле, т.к. используются в предикативной и в субъектно-идентифицирующей функциях.

Личные номинации среднего рода в сербском языке, как и в других славянских, могут быть маркированы по признаку "природного" рода (пола) с помощью корневой морфемы (ср. *девојче*, *девче*, *женче*, *цурче*; *момче*, *жениште*, *човечиште* и под.). В болгарском языке возможна и внутрисловная маркировка по полу с помощью феминного суффикса, предшествующего форманту среднего рода: ср. *юнакинче*, *рускинче*, *шопкинче* и под. Внутрисловная маркировка по полу в славянских языках характерна для небольшого числа личных номинаций ср. рода.

Большинство личных существительных ср. рода в южнославянских языках не маркированы по признаку "природного" рода (ср. сербск. *јединче*, *кумче*, *унуче* и под.). Сербский лингвист М. Павлович уже в 50-е годы XX в. писал о среднем роде "опште вредности", т.е. о словах общего рода в форме *neutrum*.

Поэтому для личных номинаций рода *neutrum* важны транспозиционные процессы и внесловные маркеры пола (лексические и грамматические).

Славянским языкам известно стремление к родовому переоформлению личных номинантов ср. рода, вызванное тенденцией к установлению соответствия между грамматическим и "природным" родом. Например, в словенском языке, где корпус личных номинантов среднего рода невелик, существительное "декле" подвергается синтаксической феминизации, причем сочетание *naša dekle* является обычным, нейтральным, в отличие от экспрессивно окрашенного *naše dekle*; ср. также укр. *дівчище* — ж.р., *бабище* — ж.р., *хлопчище* — м.р. (род устанавливается в соответствии с родом мотиватора), словац. *babisko* — ср. и ж. род, *chlapisko* — ср. и м. род. В приведенных при-

мерах (словенских, украинских, словацких) осуществляется два вида транспозиций: ср. род > муж. род и ср. род > жен. род.

Однако в большинстве южнославянских языков, в том числе в сербском, процессы родовой транспозиции почти не затрагивают корпус личных номинантов в форме *neutrum*. Это касается прежде всего феминных номинаций в форме среднего рода, в сербистике подчеркивается, что основа на -о, -е "обавезно нису женског рода"¹.

Из номинаций лиц мужского пола транспозиция ср. род — муж. род охватывает только словообразовательный класс с суффиксом -ко (*дечко*, *несташко*, *нахранко* и под.) и примыкающий к ним субстантив *мушко*, для которого словари фиксируют мужской род.

Личные номинации на -е, -че, -иште (ср. *момче*, *човечиште*, др.) имеют, как правило, удвоенный парадигматический признак среднего рода — флексию -е и неравносложность основ, что, вероятно, закрепляет их в роде *neutrum* и препятствует транспозиции. Ср. мнение болгаристов, что формализованность рода в болгарском языке укрепляет членная форма, постпозитивный артикль (ср. возможное в разговорной практике: *Анчето е дошло самичко*).

С позиции формализованности системы грамматического ср. рода заслуживает внимания изменение родового статуса номинантов на -ло (*блебетало*, *памтило*, *мазало*, *пијукало* и под.) в диахронии в сербском языке. В словаре В. Караджича слова на -ло фиксировались только в муж. роде, но в современном сербском языке данные лексемы чаще имеют модели согласования по ср. роду, что позволяет этим двуродовым существительным (м. р. и ср. р.) использоваться в качестве феминных номинаций. Для личных номинаций на -ло отмечается процесс "обратной" транспозиции: муж. род > ср. род.

Строгая формализованность системы грамматического рода большинства южнославянских языков не может помешать действию категории определенности-неопределенности как категории идентификации, тесно связанной с процессом номинации лиц в высказывании.

Идентификация лица по "природному" роду является одним из важных признаков категории определенности, что обуславливает взаимодействие этой категории и категории персональности.

Категория определенности в качестве категории высказывания оказыва-

¹ Интересны фоновые процессы в функционировании новых сербских мужских и женских собственных имен, оканчивающихся на вокал -е, -о, -и, -у. Асим Пецо отмечает, что в таких именах заимствованного происхождения (ср. *Зоки*, *Мики*; *Ади*, *Берти* и под.) "дошло је до сукоба граматичког и семантичког индикатора". При этом "Код мушких имена... семантички индикатор је по правилу надвладао парадигматски и наметнуо је промену тих имена по нашем класическом деклинацијском систему (*Зоки* — *Зокија* као *Јован* — *Јована*)". Что же касается женских собственных имен иностранного происхождения, то в них "парадигматски индикатор се одупро семантичком и таква имена су, по правилу, остила индеклинабелна" (Пецо 1998).

ет влияние на контекстное окружение личных номинантов ср. рода, в широком плане — на выработку типовых лексических маркеров пола.

Сербский и хорватский языки используют при личных номинантах ср. рода как универсальные для славянских языков классификаторы пола (личные местоимения 3 лица, собственные имена, термины родства м. и ж. рода), так и преимущественно южнославянские, к которым относятся адъективы женско и мушко: ср. женско дете, женско јединче, женско сироче, женско створење, женско челаде; мушко дете, мушко биће, мушко чедо и др. Указанные лексические маркеры пола представлены и в сербских, и в хорватских художественных текстах.

Использование прилагательных мъжко, женско в идентифицирующей функции известно и болгарскому языку, но, кажется, чаще при указании на пол животного: ср. едно женско кенгуру, женско теле и др. Однако у Н. Герова фиксируется женско дѣтя (момиче) и мъжко дѣтя (момче).

Маркировки по признаку “природного” рода с помощью адъективов женский, мужской является достаточно древним способом лексического аналитического обозначения лиц в языках мира. М. Я. Немировский указывал, что в “Илиаде” Гомера словосочетание “Ἰεός” + адъектив с семьей “женский пол” выступали со значением “богиня”.

Вероятно, большая частотность в использовании номинаций лиц и животных в форме ср. рода закрепила в славянских языках на Балканах такие “свои”, южнославянские маркеры пола.

Выше подчеркивалось, что в актах высказывания категория лица-не-лица взаимодействует с категорией определенности-неопределенности, которая играет роль существенного контекстного различия, в частности сказывается на согласовании местоименных субститутов с личными номинантами среднего рода.

Для личных местоимений, замещающих личный номинант среднего рода, напр., девојче, момче в сербском языке, системно представляется два типа согласования: грамматическое и смысловое (по полу лица). Грамматисты подчеркивают, что удаленность местоимения, особенно его нахождение в другом предложении, может способствовать выбору смысловой модели, однако представляется, что релевантно и воздействие категории определенности-неопределенности. Об этом свидетельствуют тексты одного и того же автора, где отмечаются различные типы согласования личного местоимения 3 лица в одинаковых синтаксических условиях удаленности по отношению к “инородовому” существительному ср. рода. Ср. 1. ...Имала је љупкост неког девојчета, кад га осветле у вратима при улазу из мрака (М. Црнянский). 2. ...На једном коферу седело је девојче, држећи своје кученце на крилу... Девојче је плакало... Рјепнин се сећао како је пришао девојчету и како је почео да је теши” (М. Црнянский).

В приведенных примерах дистантное согласование со словом девојче в известной мере зависит от категории определенности-неопределенности,

представленной в тексте. В первом тексте лицо мыслится как неопределенное (неког девојчета), используется формальное согласование. Напротив, определенность представления о лице жен. пола, названного инородовым существительным (“пришао је девојчету”), вызывает согласование по смыслу, форму је.

Выводы

Итак, вместе с типологической близостью корпуса личных номинаций ср. рода в славянских языках, предопределенной в известной степени праславянскими импульсами и их развитием в исторический период, в языках южнославянской группы на современном этапе обнаруживается специфика функционирования транспозиционных процессов, связанных со ср. родом, своеобразие внесловных, преимущественно лексических маркеров пола, необходимых для идентификации лица, репрезентированного “инородовой” формой. Иными словами, языковая картина мира, точнее его важного фрагмента, связанного с номинацией человека (лица) не только с помощью мужского и женского, но и среднего рода, при учете всех деталей, безусловно, не является идентичной в славянских языках.

Если рассматривать взаимоотношение категории лица и ср. рода в славянских языках и, шире, т.е. на индоевропейском фоне, то можно выстроить следующую цепочку: а) славянские языки, имеющие личные номинации ср. рода, но допускающие родовую транспозицию только для названий лиц муж. пола (принцип андроцентризма); б) славянские языки, имеющие личные номинации среднего рода и допускающие их транспозицию как в муж., так и в жен. род; в) славянские языки, сохраняющие личные номинанты ср. рода только как раритеты, утратившие связь ср. рода с категорией лица и одушевленности; г) индоевропейские языки романской группы, утратившие ср. род в системе грамматических родов; д) индоевропейские языки (ср. английский), утратившие вообще категорию субстантивного грамматического рода. Может быть, эта цепочка нуждается в уточнении, однако она закрепляет право лингвиста на интерес к проблеме “средний род и номинация лица (человека)”.

Литература

1. Андрейчин Л. Основна българска граматика. — София, 1978.
2. Анић Вл. Род и спол у српскохрватском језику: разграничење // Научни састав на слависта у Вукове дане. — Београд, 1984. — XIII/3.
3. Бондарко А. В. К интерпретации одушевленности-неодушевленности, разрядов пола и категории рода (на материале русского языка) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы морфологии в славянских языках. — Москва, 1976.

4. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — Москва, 1947.
5. Изић М. Обележавање именичког рода у српскохрватском књижевном језику // Наш језик, 1960, Књ. 10.
6. Ivić M. Obелеžavanje imeničkog roda u standardnom slovenačkom jeziku (uporedno s odgovarajućom srpskohrvatskom situacijom) // 36. за филологију и лингвистику. — Нови Сад, 1958, — Књ. XI.
7. Немировский М. Я. Способы обозначения пола в языках мира // Памяти академика Н. Я. Марра. — Москва-Ленинград, 1938.
8. Пецо А. Из деklinационе проблематике антропонима у нашем језику // Састанак слависта у Вукове дане. — Београд, 1998. — 27/2.
9. Смольская А. К. О роде существительных в русском и болгарском языках // Болгарская русистика — София, 1978. — № 3.
10. Смольская А. К. Развитие именного словообразования в сербскохорватском языке (фемининативы). — Автореф. ... докт. диссертации. — Одесса, 1993.
11. Смольская А. К. К вопросу о семантической категории определенности-неопределенности сербского субстантива // Изучение и преподавание сербскохорватского языка в инославянской среде / Мат-лы международной конференции. — Москва: МГУ, 1996.
12. Тираненко О. О. Динаміка слов'янських іменних класифікацій у діяхронії і синхронії (на формально-і семантико-граматичному та словотвірному рівнях) // Слов'янське мовознавство. Доповіді. — Київ, 1993.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Ленинград, 1941.
14. Шехтер В. Г. Категорія означеності-неозначеності в сучасній українській мові // АҚД, Київ, 1995.